

ЛОВЦЫ КНИГ
ИЛЛЮСТРАЦИИ ФЕРЕЗ

МАКС ФРАЙ

**ЛОВЦЫ
КНИГ**

ВОЛНА ВЕРОЯТНОСТИ

**Издательство АСТ
МОСКВА**

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ф82

Фрай, Макс

Ф82 Ловцы книг. Волна вероятности /Макс Фрай
— Москва: Издательство АСТ, 2024 — 480 с. —
(Ловцы книг (илл.Ферез)).

ISBN 978-5-17-163251-9

Что мы знаем об этой книге?

Что ее лучше читать с начала. Это — вторая часть.

Если вы не читали первую, то вообще ничего не поймете. Кто эти люди? Что там у них стряслось? Чего они добиваются? Зачем ловят книги? Почему до сих пор пить не бросили? Какой, прости господи, Эль-Ютокан?

Я пока представления не имею, чем закончится эта трилогия. И уж точно не меньше читателей хочу узнать. Ладно, шансы-то у нас неплохие. Возможно однажды мы все проснёмся в реальности, где написана третья часть.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-163251-9

© Макс Фрай, текст, 2024
© Екатерина Ферез, иллюстрация, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

- Что мы знаем об этой книге?

Что ее надо читать с начала. Это — вторая часть. Поэтому если вы не читали первую, то вообще ни хрена не поймете. Кто эти люди (и люди ли)? Что у них там стряслось? Чего они добиваются? В чем проблема вообще? Кто злодеи, а кто хорошие? А скоро кого-то убьют? И когда они все наконец повзрелеют, возьмутся за голову, устроятся на работу, поженятся, или ладно, хотя бы просто так переспят?

(Правда, если читать эту книгу с начала, особо понятней не станет. Зато непонятно будет не хаотически, как попало, а по порядку. Долг автора — помочь читателю в правильной последовательности ни черта не понять.)

ВИЛЬНЮС,
Январь 2021 года

Лийс (это третье, так называемое «легкое» имя, оно предназначено для приятных знакомств в неформальных, как говорят в таких случаях, ситуациях с теми, кто ему нравится, а значит, и нам подойдет); так вот, Лийс, который выглядит как студент, круглолицый, высокий, по-мальчишески тонкий, с кожей цвета гречишного меда и волосами цвета песка, слегка прозрачный (но это в темноте незаметно, а фонари не горят), в зеленом жилете курьера службы доставки BOLT, с фирменным коробом-рюкзаком за плечами стоит перед дверью ветхого дома на улице Кривю и открывает ее так называемым «универсальным ключом», иными словами, отмычкой. То есть действует как типичный квартирный вор.

Собственно, Лийс и есть вор — с точки зрения местных законов. Но вот уж на что ему точно плевать. Сегодня он здесь ненадолго. Сделает дело и сгинет, не оставив следов.

Лийс — штатный искусствовед Потустороннего Художественного музея Эль-Ютокана. (На этом месте знающие контекст молча снимают шляпы. Ну или не шляпы. А может, вообще ничего не снимают. Но каким-нибудь способом выражают безграничное уважение. Ни хрена себе! Аж из Эль-Ютоканского Потустороннего! Штатный искусствовед!)

Их таких сейчас всего семеро — штатных искусствоведов Эль-Ютоканского Художественного музея. И еще три с лишним десятка внештатных; список постоянно меняется, но от внештатных, положе руку на сердце, особого толку нет. Хотя случаются удивительные исключения, скажем, та же Маррийта (первое «твердое» имя, то есть официальное, под ним она в историю искусств и вошла). Обычная отставная старшина сорок третьего малого пограничного отделения (еще совсем молодая девчонка, старшин отправляют в отставку примерно через десять-пятнадцать лет, чтобы не успели устать и работа не начала казаться привычной рутинной — так нельзя, это полный провал). Чтобы не заскучать на пенсии, Маррийта всюду развлекалась путешествиями в иные реальности, как многие отставники. Однажды из любопытства решила отправиться в ТХ-19 (в Эль-Ютокане совсем другая классификация потусторонних реальностей, но, чтобы не путать читателей, я использую уже знакомую нам систему Ловцов книг). Так вот, Маррийта захотела развлечься в Лос-Анджелесе, хотя ее отговаривали все четыре любовника и семья. И вернулась оттуда мало того, что живая,

здоровая и загорелая, а еще и с охапкой картин с одинаковой подписью — Hiraeth*, Хирис, по словам самой Маррийты, «одного бедолаги», который умер у нее на руках. Эти картины сейчас — одна из жемчужин Новейшей коллекции, под них даже выделен особый маленький зал со специальным освещением, имитирующим тусклые лампы ТХ-19, при этом свете картины выглядят наиболее выигрышно, потому что гений жил в темном подвале, там же и рисовал. Штатные искусствоведы музея переживали эту находку как личный провал. Ну, то есть как переживали. По Эль-Ютокански. Сказали друг другу: «Какие-то мы совсем дураки, а эта девчонка крутая» — и в знак безграничного уважения пригласили Маррийту пойти с ними в бар.

Пока мы тут вспоминаем Маррийту и картины художника Хирис, Лийс открывает дверь и заходит в дом. Хозяин дома (Лийс в этом только что сам убедился) прочно засел с друзьями в подвале как бы закрытой по случаю карантина, но для своих работающей пивной.

Хозяин — художник из числа почти никем не понятых гениев, которые слишком хороши для

* То ли по удивительному совпадению, то ли по воле неизвестного нам (но теперь знаменитого в Эль-Ютокане) художника, взявшего псевдоним, «Hiraeth» в переводе с валлийского языка означает глубокую, сильную, невосполнимую тоску по месту, времени или состоянию, которые бесповоротно утрачены, их больше нет (а возможно, и не было — тоска по несбывшемуся тоже «hiraeth»).

своих современников; вполне обычное дело, таких у нас тут дофига. Гений довольно стар, но жив и здоров, слава богу, и голова до сих пор работает лучше, чем у большинства молодых. Для Лийса это проблема. При том что, будь его воля, все большие художники жили бы вечно и (обязательно) хорошо. Проблема сугубо техническая: у живого много не заберешь. А художник великий! Лийс влюблен в его творчество по уши, он человек азартный и страстный, как почти всякий профпригодный искусствовед. И сейчас отдал бы все свои сбережения и недвижимое имущество (это довольно много, Лийс и его коллеги, прямо скажем, не бедствуют) — так вот, он легко отдал бы все, чем владеет, за возможность утащить из этого дома хотя бы десяток картин. Но у живых художников следует брать максимум два-три объекта. Причем выбирать такие, чья пропажа не бросится сразу в глаза. Правда, потом, когда в музее увидят эти сокровища, наверняка дадут добро на официальную закупку работ художника через подставное лицо*. Это довольно

* Мне теперь наконец-то стало понятно, куда на самом деле подевались картины, которые мы рисовали в середине восьмидесятых в Одессе. То есть, по факту их купил Анатолий, одесский фарцовщик, уезжавший с семьей в США; тогда «отъезжанты», которым, согласно еще действовавшим советским законам, нельзя было вывозить за границу ни рубли, ни валюту, вкладывали деньги во что могли. В том числе покупали картины так называемых «авангардных» художников, то есть неофициальных, нищих, никому не нужных, известных в лучшем случае в узком кругу друзей. С расчетом, что, если хотя бы один из сотни однажды прославится, их вложения более чем окупятся. А если нет, деньги все равно за границу не вывезешь, так что не очень-то жаль. Но даже на фоне скупающих что попало

сложная процедура, но Лийс заранее совершенно уверен, что отлично все провернет.

Может показаться, что правила слишком суровы, а Лийс — послушный дурак. Но пограничник из Эль-Ютокана (а там каждый взрослый — в первую очередь пограничник, это даже не образ жизни, а сама жизнь) хорошо понимает, откуда взялись музейные правила и почему их следует неукоснительно выполнять. В ходе перемещений между реальностями должен сохраняться баланс между почти и совсем невозможным (причем по меркам той конкретной реальности, где ты находишься прямо сейчас). Разрушать и без того слишком зыбкие связи между мирами нет дураков.

В общем, если пропадет только пара картин, старых, почти забытых, откуда-нибудь из стопки в дальнем углу, владелец, с большой вероятностью, вообще не заметит пропажи. А заметив, как-нибудь

отъезжающих богачей наш Анатолий выглядел, скажем так, странно. Во-первых, он был такой отличный чувак, что мы подружились. Во-вторых, смотрел на наши картины, которые забирал не торгуясь, не то чтобы с ужасом, но с непреходящим изумлением: мамочки, что я делаю, это вообще зачем?! В-третьих, не покупал ничьих картин, кроме наших и Гены Подвойского, который был примерно такой же, как мы, даже худший гений и псих. Хотя разумно было набрать побольше разных имен, чтобы увеличить свои шансы на выигрыш в этой странной лотерее. Все так и делали, а Анатолий — ни в какую, больше ничего покупать не хотел. Потом Анатолий уехал, что с ним было дальше и куда подевались картины, не знает никто.

Короче, примерно вот так и выглядит типичная официальная закупка с посредником в Эль-Ютоканский Потусторонний Художественный музей. Спасибо тебе и привет, где бы ты сейчас ни был, дорогой Анатолий!

ее себе объяснит. И мелкие денежные купюры, расованные по ящикам и карманам, — вполне обычное дело, заначил когда-то, забыл, а теперь нашел. Вот о чем сейчас думает Лийс, листая папку с зарисовками, скетчами, или как они здесь правильно называются. Эти рисунки, пожалуй, даже сильнее больших картин. Так бывает, некоторым художникам необходимо ощущение несерьезности, необязательности, чтобы мастерство и талант проявились в полную мощь. Большая удача! Судя по слою пыли на папке, об этих своих рисунках художник давно уже не вспоминал. Можно взять сразу три... или даже четыре? «Да ладно, точно можно четыре», — говорит себе Лийс.

Выбрав четыре рисунка (кто бы знал, каких это каждый раз стоит душевных мук), Лийс кладет добычу в специальный стеклянный конверт, небьющийся, несгибаемый и непромокаемый. И невидимый; это не волшебство, а хитрый оптический фокус, известный Эль-Ютоканским стекольщикам, а больше, кажется, никому. В принципе, сейчас это даже несколько излишняя предосторожность, потому что конверт отправляется в короб службы доставки, но предосторожности излишними не бывают, это знает каждый искусствовед.

Перед уходом Лийс рассовывает мелкие местные денежные купюры — пятерки, десятки, двадцатки — что-то в кухонный шкафчик, что-то закладкой в книгу, что-то в карманы. Одну десятку он прячет в хлебнице, подсунув под черствый батон. Уж эту хозяин дома точно быстро найдет!

Лийс хотел бы оставить гораздо больше, сотню тысяч в конверте на видном месте, чтобы художник удивился, обрадовался и тратил их как хотел. Но правила! Внесенные изменения не должны выходить за пределы вполне вероятного и разрушать ткань реальности. Черт, черт, черт.

ВИЛЬНЮС,
Январь 2021 года

Вышел из дома, как всегда в таких случаях, беспредельно счастливый и одновременно крайне недовольный тем, как мало унес. Аккуратно запер дверь своей универсальной отмычкой: нельзя бросать нараспашку, а то, чего доброго, какой-нибудь настоящий вор забредет.

Думал: «Я обязательно добыю официальную закупки. Такой художник! Нам у него надо буквально все. И заплатим ему нормальные деньги. Пусть хоть на старости лет хорошо поживет».

Заперев все как следует, Лийс еще раз изучил карту местности, выбирая кратчайшую дорогу к реке. Теоретически мог бы сгинуть и прямо здесь, дурное дело нехитрое. Но ради хорошего самочувствия, чтобы потом не валяться несколько суток с мигренью, из таких тяжелых реальностей лучше уходить через свое отражение; в идеале — в текущей воде. И поскольку река совсем близко, почему бы до нее не дойти.

Уточнив маршрут и спрятав в карман навигационный прибор, похожий на айфон формата «лопата»,

развернулся, чтобы идти, и тут наконец заметил, что за ним внимательно наблюдает человек в спортивном костюме, таком белоснежном, что, кажется, даже слегка сияет во тьме. Лийс сперва ему очень обрадовался — все-таки неожиданность. Приключение! Такого с ним еще не случалось. Процедура-то штатная. Если предварительно нормально все подготовить, потом просто приходишь, берешь и идешь.

Но Лийс не дал ликованию сбить себя с толку, он все-таки опытный специалист. Порадоваться, что в кои-то веки все пошло кувырком, можно будет потом, уже дома. А сейчас надо быстро решить, что делать. Пройти мимо как ни в чем не бывало? Договариваться? Бежать? Или лучше сгинуть без объяснений прямо сейчас? Последнее нежелательно, даже не из-за неизбежной мигрени, а потому что правила техники безопасности запрещают без крайней необходимости исчезать на глазах у местных. Все тот же чертов баланс, ради сохранения которого нельзя уносить все картины и миллионы художникам за них оставлять.

— Да не волнуйся ты так, — сказал человек в белом. — Все в порядке. Я не враг. И даже не конкурент.

Судя по голосу, это была женщина. Да и фигура скорее женская. Хотя кому от этого легче. «Интересно, как она меня вычислила? И почему я сразу ее не заметил?» — удивлялся Лийс.

Женщина подняла руки и сложила их в один из ответственных знаков, знакомый всем пограничникам Эль-Ютокана. Знак первой степени важности. С таким

приветствием обычно приходят из миров высших духов. Разные удивительные существа, хотя с виду порой не скажешь. В ответ на знак первой степени важности следует поблагодарить за оказанное внимание. А больше с такими гостями ничего делать не надо — ни помогать, ни тем более мешать им пройти.

— А, тогда понятно! — обрадовался Лийс. И, спохватившись, вежливо добавил: — Спасибо, что появилась у меня на пути.

— На здоровье, — усмехнулась женщина первой степени важности. — У меня к тебе дело. Давай провожу до реки, ты же туда собирался? По дороге как раз успеем поговорить. Тебя как зовут?

Лийс всерьез задумался, которое из имен сейчас будет уместно. Вот так сразу и не сообразишь!

Подобных проблем у него с детства не было. Всегда ясно, какое имя надо назвать. А сейчас непонятно. Эта женщина ему нравилась — еще бы она не понравилась после того, как показала такой приветственный знак! Но ситуация никаким боком не подходила под определение «неформальной», поэтому третье «легкое» имя — не вариант. С другой стороны, она не начальство, не чиновница и не коллега, чтобы называть свое первое «твердое» имя — Кой-Илламот. Но и второе «домашнее» имя Торени ни в какие ворота, оно — для родных, соседей и ближайших друзей.

Наконец Лийс сказал:

— Я — Лаорги.

Это было его четвертое «священное» имя. Собственно, кавычки тут лишние. Имя и правда священное. Для магических взаимодействий и просто чудес-